

ПОЭЗИЯ ЗУЛЬФАТА

ŞAIR ZÜLFET'İN ŞİİRLERİ

POEMS OF POET ZULFET

Гелюса НИЗАМЕТДИНОВА*

(Gelyusa NİZAMETDİNOVA)

РЕЗЮМЕ

Связь между мифологическими, космогоническими элементами и героями народных дастанов в творчестве Зульфата приводит к неожиданным результатам. Это объясняется не только особенностями его поэтического стиля, но новыми и оригинальными символами, опирающимися на человеческие чувства, которые он вносит в татарскую поэзию. Его стихи, основанные на картинах деревенского пейзажа, оставшихся в памяти поэта еще с детства, имеют неотрывную связь с народными традициями, с одной стороны, и служат воссозданию образа человека будущего, с другой. Этот человек как раз и становится лирическим героем творчества Зульфата.

Ключевые слова:

космогония, герой, природа, Зульфат, поэтика.

ÖZET

Zülfet'in şiirlerinde mitolojik, kozmik unsurlar ile destan kahramanı arasında kurulan ilişki şaşırtıcı sonuçlar ortaya koymaktadır. Bir üslup özelliği olmaktan ziyade, Tatar şiirine kattığı yeni ve orijinal sembolleştirme biçimlerinin insanî hislere yaslanmasıyla ön plana çıkmaktadır. Zülfet'in çocukluk çağından itibaren yaşadığı köy çevresinden aldığı tabiat unsurları ile beslenen şiirleri, bir yönüyle gelenekten gelen zenginliklerden beslendiğini gösterirken, bir taraftan da gelecekteki insanı inşa etmekte ona kaynaklık etmektedir.

Anahtar Kelimeler:

Kozmogoni, kahraman, tabiat, Zülfet, poetika

ABSTRACT

In the poetries of Zulfet, the relation established between mythological, cosmic factors and the hero of the epic shows surprising outcomes. Excess being a stylistic feature, they stick out with their new and original symbolising forms as a contribution to

---

* Аспирант Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова – Москва/РОССИЯ.

(Aspirant, İnstituta Yazıkı, Literatürü i İskusstva im G. İbragimova – Moskva / ROSSIYA.)

Tatar poetries by depending on humanistic feelings. Zulfet's poetries that were inspired by the natural factors of the village environment which Zulfet lived in from childhood show that they are inspired by the prosperities of existing traditions and also acts like a source to build the human in the future.

Key Words:

Cosmonogy, hero, nature, Zulfet, poetica

Философы Древней Греции предполагали, что Вселенная возникла из соединения четырех стихий – земли, воздуха, огня и воды. Сочетание этих природных стихий составляет и основное содержание поэзии Зульфата.

Земля – это почва, из которой произросла его поэзия. Это – просторные поля Муслумовского района, его родники с серебряной водой, молчаливые леса, зеленые луга и холмы, покрытые ковылем, и, самое главное – люди и их судьбы...

Родная деревня Зульфата – Новое Сайтово, как видно уже из названия, сравнительно молодая деревня. Когда-то она отделилась от Старого Сайтово, расположившись в удивительно красивом уголке природы – сразу же за околицей начинался «дремучий лес», сочные луга, речка. Это земля, которая подарила Зульфату зерно поэтического таланта, стала для него поэтической колыбелью.

Твое имя – уруго! Словно

В нем

Кто-то куда-то яростно рванулся!

Эй, Коргылды!

Ведь ты для меня стал тайной,

Благодаря которой, я живу праведно.

Ты смотришь всегда –

Сквозь слезы.

Кладу руку себе на грудь –

Пустота –

Кажется, сердце осталось с тобой. (Зульфат, Коргылды, 1992, с.

33)

Впитав в себя нежную мелодию лесной глухомани, деревня Коргылды, Зульфат прожил в татарской поэзии величественную, как тысячеголосый лес, жизнь, и голос его гулко звучащего сердца всегда отзывался в душе татар, рассыпанных по широким просторам земли. И это не просто красивые слова, а подлинная правда, символически выраженная главная суть поэзии Зульфата. Ведь не случайно свои самые чистые и искренние чувства к поэзии, свои омоченные слезами размышления о ней,

которые даже чем-то напоминают изложение основ веры, поэт назвал «В чаще поет соловей». И, думаем, так же не случайно книга, наиболее полно и ярко отразившая своеобразие его творчества, названа «Меж двух лесов» (Зульфат, 1999, с. 48)...

Кто только не живет в этой вселенской шири – каких только растений и деревьев, птиц и животных там нет... Ведь территория меж двух лесов – это территория между двумя Пределами!

*Пролился я
звездным дождем
На татарскую душу
с бескрайнего неба –
каждый мой слог, каждый вздох
кровав.*

Я ухожу израненным... (Зульфат, «Меж двух лесов», 1999, с. 55)

Да, в творчестве Зульфата – поэта, философа, человека – каждая клеточка земной жизни, каждая частичка дыхания связаны с жизнью народной. Эта жизнь отражается в «проклятии татарского языка», «цирковом представлении», в «жалобах болота, приговоренного к смерти», «горячем следе ящерицы», в «балладе о кулаке и коне» и еще тысячах различных образах и картинах. Через поэтическое вдохновение! Через судьбы!

Послушаем поэта: «Империя не может дать такую же большую литературу, как она сама. На одном ореховом кусте может вырасти самое большее двадцать веток. Всё, что сверх того, – отделяется в новый куст. Чересчур разросшийся куст перестает плодоносить. Народы – разные деревья и кустарники нашей матери-природы. И никакой Мичурин не может это изменить. Осторожная осина трепещет. Липа – ласково и тихо шепчет, подобно влюбленным. Дуб – похожий на саму историю – гудит из глубины, из самой груди земли» (Гамбар: 1997, 10 января)

Так, «по-нашему», может сказать только человек наблюдательный и размышляющий, человек, глубоко понимающий судьбу «леса» – народа.

В поэзии Зульфата преобладают три литературных образа – коня, облака и птицы. И хотя на первый взгляд это может показаться неким повтором, не стоит упрекать поэта. Потому что эти образы каждый раз наполняются новым содержанием: конь у Зульфата – это и ностальгия, и рано завершившаяся жизнь, и поколение, утерявшее свои корни; облако – и надежда, и вера, и совесть. Различные смысловые оттенки в каждом отдельном случае дополняют палитру значений этих символических образов, придавая им новое звучание. В стихотворении «Такое время у моей души» они возводятся на уровень совести, веры, надежды; в

стихотворении «Вечность» (Зульфат, 1970, с. 37) грустные философствования по поводу быстротечности жизни, молодости переданы посредством символического образа облака.

С самых древних времен у татар понятия мужчина и конь неразделимы. О серебряных копытах, быстроногих конях пелось в народных песнях, сказывалось в сказках. Но у поэта образ коня представлен несколько иначе:

В моих стихах все время резвится конь...

Пусть резвится... пусть освободится его дыхание...

Ведь я – тот мальчик, который поймал крылатого коня!

Пусть хотя бы в стихах моя душа успокоится! (Зульфат, 1998, с. 46)

На наш взгляд, в этих строках раскрывается главное качество поэзии Зульфата. Его стихотворным строкам не свойственны тишина и спокойствие, в каждом его произведении словно переступает с ноги на ногу конь, или несутся вскачь рысаки. Эта горячность чувств, романтический пафос как раз и отличают стихотворения Зульфата от произведений других татарских поэтов.

«Ведь я – деревенский мальчишка, выросший посреди леса. В детстве я работал пастухом. Я был настоящим маленьким хозяином леса, полей, лугов и овражков. Наверно, их тайны тогда и передались мне...Когда я был маленьким, во время проливного дождя я мечтал забраться под лист лопуха и слушать, как по нему – тугому и зеленому – стучат капли дождя. Наверно, эта мечта перешла в мою поэзию в образе птицы», - пишет Зульфат (Сабилова: 2000. 7 апреля)

В книге «Соловей ужалил мое сердце» (Зульфат, 1999, с. 166) поэт повествует языком самой птицы, и повествует о многом... Доказательство тому – стихотворения «Не испугай птицу счастья» (Зульфат, 1998, с. 45), «Что написано птичьим пером» (Зульфат, 1993, с. 145), «Гнездо соловья» (Зульфат, 1998, с. 87), «Соловей» (Зульфат, 1992, с. 76), и, наконец, «Твоя рассветная птица» (Зульфат, 1998, с. 99)

Привет, мой мир!

Я проснулся, пою,

Даже если начнется буря! (Зульфат, 1999, с. 102)

В стихотворении «Одинокый соловей» птица олицетворяет собой образ одинокого во Вселенной поэта:

Словно над нами какая-то сила

Зажгла тяжелую, черную звезду –

Воет стая голодных волков

И поет соловей – в одиночестве...(Зульфат, «Одинокий соловей» 1992, с. 110)

В этом одиноком пении соловья словно отражена и трагедия эпохи. Широта мышления, глубина чувств в поэзии Зульфата просто поражает.

По мере того как расширяется взгляд поэта на мир, объекты изображения конкретизируются, течение мысли становится все более последовательным. В творчестве Зульфата можно ощутить присутствие трех переплетенных между собой плоскостей. В первой поэт бьет в набат, защищает общечеловеческие ценности («Поэзия – это Конституция, принятая людьми без всяких парламентов»), во второй – размышляет о судьбе конкретной страны и народа:

Может, Тенгри сам наказывает,

Выбрав некоторые племена на земле?

Сколько веков бушует черная метель! –

Наверно, никогда не кончится непогода. (Зульфат, «Сырынды» 1992, с. 95)

Это стихи, пронизанные отчаянием и надеждой, тревогой и светом, опасением и верой, горечью и радостью. И, наконец, третья плоскость – изображение всего разнообразия и красок жизни через чувства и переживания отдельной личности. Эта личность входит в стихи Зульфата Туфаном и Бабичем, Есениным и Пушкиным, Каюмом и стариком с Кандра, появляется как поэт Мударрис Аглям, или выплескивается на бумагу любовью, рожденной буйными чувствами поэта. Во многих стихах человек изображен как часть единства – Великой Природы, созданной Всевышним.

Обратимся к поэме «Бессмертный в сердцах дастан» (Зульфат: 1980, с. 164). Сказочный сюжет в поэме – легенда о племени Шести барханов – становится проводником размышлений автора о судьбе народной, о сегодняшнем дне и будущем, события в поэме перемежаются лирическими переживаниями, раздумьями. При помощи мифического сюжета автор строит модель новой жизни; посредством условного приема – соединения прошлого и настоящего – он собирает в одну точку реальность мифологическую и сегодняшнюю, стремясь через философские представления выразить свое отношение к жизни.

В произведении наряду с темой истины звучит тема познания личностью себя и жизни. Для Зульфата вообще характерно то, что истина видится ему в природе и красоте. Вместе с этим в его творчество приходит тема противостояния природы и цивилизации, жизни человека и природы. Непримируемые противоречия между божественной природой и цивилизацией выполняют вспомогательную роль и в раскрытии внутреннего конфликта в душе лирического героя.

В поэме обобщающим идеалом, собравшим в себе те качества жизни, о которых мечтает автор, становится сказка. Именно сказочную реальность автор предлагает как пример для человеческой жизни, а настоящая реальность состоит из событий, представляющих собой войну людей и машин, созданных человеком. Обращение Зульфата к сказке как к идеалу и образцу мироустройства не случайно. Как правило, в сказках традиционно находили выражение многовековые, но не реализованные, мечты народа о светлой жизни. Иначе говоря, целью сказки всегда было отражение не столько реальности, сколько народных мечтаний. Как известно, в мифологии древних восточных народов, индусов, иранцев, греков, римлян сохранились мифы о Золотом веке человечества – о том периоде, когда жизнь людей напоминала жизнь богов. Именно такие представления угадываются в сказочном сюжете поэмы Зульфата.

В каждой части поэмы делается упор на каком-то отдельном качестве сказки, в зависимости от переживаний героя. Вводная часть уже наполнена сказочными элементами, взятыми из восточной литературы (нашептывания, сим-сим и др.), которые придают произведению романтический характер. Среди качеств сказки автор выделяет доброту, единство, гармонию Земли и Неба, Честь, Совесть; к ним в главе «Вариант Джанни Родари» добавляются свойственные детской наивность, чистота, в главе «Молитва Тукая» (Зульфат 1999, с. 38) - борьба за народное счастье; намечается еще одно качество, воплощенное в образе сказочной девушки. В романтической литературе образ девушки обычно обозначает красоту. Поэтому становится понятным, что еще одно свойство сказки – это Красота.

Именно образ жизни, «собранный» из этих качеств, Зульфат и провозглашает в качестве образца для подражания. Однако, говоря о том, что люди сожгли на костре сказочную девушку, поэт подводит читателя к мысли о том, что человечество само уничтожает свою мечту о счастливой жизни. В данном контексте костер воспринимается как символ жестокой силы. Переживания лирического героя, отразившиеся в эмоциональном пласте поэмы, связаны именно с этой мыслью. В поэме лейтмотивом звучат строки:

*Души застонут от раскаяния
И сожмется каждое сердце:
Если мы хотим сохранить целой Землю,
Надо сохранить сказку...*(Зульфат: 1999, с. 146)

Повторение этих строк усиливает эмоциональное воздействие авторской мысли. Зульфат противопоставляет неприглядную реальность и таинство сказки, являющейся символом Красоты, Величия, Совести, Любви, Равенства.

Еще одной причиной глубоких переживаний лирического героя поэмы становится осознание того, что сказка осталась в прошлом, в жизни прошлых поколений. В главе «Отзовитесь!» (Зульфат 1999, с. 41) автор пишет, что сказка теперь живет лишь «в дремучем лесу – в дуплах деревьев, в наглухо заколоченных домах, в космических кораблях, чьи экипажи давно погибли, в чернильницах, в серебряном ковше Большой Медведицы...» (Зульфат 1999, с. 41), а значит, сказка очень далека от современной жизни. По мере своего продвижения вперед человечество все больше отдалялось от своих природных качеств и, в конце концов, совсем их потеряло. Поэт не приемлет это и отвергает «цивилизацию», считая, что человечество находится сегодня «в космической спячке».

Однако последняя строфа поэмы приобретает несколько другую интонацию и словно дает надежду последующим поколениям. Эта искра надежды усиливается метафорой – образом крылатого коня:

*...Крылатый конь скачет по земле –
Свободная душа – Мечта и Надежда!
В его сердце – бессмертный дастан – Счастье!
Оно должно быть вечным...* (Зульфат: 1998, с. 133)

Желание вернуться к естественным истокам человечества звучит также в стихотворении Зульфата «Я жил» (Зульфат 1999, с. 155) где перед нами предстает жизнь племени. Лирический герой, проснувшись от вечности, возвращается к своим истокам – в эпоху родоплеменных отношений. В стихотворении переплетаются прошлое и настоящее. Смешение времен помогает поэту поднять вопрос на общечеловеческий уровень. Описание общинной формы жизни в стихотворной ткани стихотворения созвучно внутреннему стремлению лирического героя к чистоте и красоте. А то, что возлюбленная бросила лирического героя, обрекая его на страдания, и война, на которую собирается племя, – это, по сути, картины, олицетворяющие борьбу против идеала.

В стихотворении «Не хватает дыхания...» (Зульфат 1976, с. 64) Зульфат также использует сохранившуюся в памяти народа легенду. При помощи нее автор проводит мысль о том, что, лишившись красоты, жизнь обрекается на темноту. В основе сюжета лежит легенда о том, что когда-то в основании Коромысловой башни Нижегородского кремля была живьем замурована девушка. Образ девушки и ее судьба используются поэтом для того, чтобы дать оценку сегодняшней жизни. Как говорилось выше, образ девушки в литературе символизирует, как правило, красоту. Описывая заточение девушки, поэт говорит о том, что сегодня красота тоже «заперта», она стала рабыней цивилизации. Человечество в результате безудержной погони за властью и материальными богатствами отделилось от настоящей истинной красоты, и именно этот факт становится причиной страданий и переживаний лирического героя. Природная, божественная

чистота далека от людей, она оказалась заслоненной материальной жизнью. В стихотворении противостояние реальности и мечты отражает противоречия в душе лирического героя. Риторический вопрос: «В каком веке вы живете?», постоянно повторяясь, с одной стороны, способствует композиционному единству стихотворения, с другой – выражает главную философскую мысль произведения – идею о том, что с утерей красоты настоящая жизнь останавливается.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГАМБАР, Н.: (1997). Память молодости // *Ватаным Татарстан*. – 1997. – 10 января.

САБИРОВА, А.: (2000). Поэт с тукаевской душой // *Шахри Казан*. – 2000. – 7 апреля.

ЗУЛЬФАТ (Госман улы Маликов): (1990). *Сжигание корней*. Татарстан китап нәшрияты.

ЗУЛЬФАТ (Госман улы Маликов): (1995). *Среди лесов*. Татарстан китап нәшрияты.

ЗУЛЬФАТ (Госман улы Маликов): (1999). *Сердце ужалил соловей*. Татарстан китап нәшрияты.

ЗУЛЬФАТ (Госман улы Маликов): (2007). *Дыхание Аллаха*. Татарстан китап нәшрияты.

ЗУЛЬФАТ (Госман улы Маликов): (2008). *На берегу судеб*. Татарстан китап нәшрияты.

BİBLİOGRAFİYA

GAMBAR, N.: (1997). Pamyat Molodosti // *Vatanım Tatarstan*. – 1997.- 10 Yanvarya.

SABİROVA, A.: (2000). Poet s Tukayevskoy Duşoy // *Şahri Kazan*. – 2000. -7 Aprelya.

ZULFAT, (Gosman ulı Malikov): (1990). *Sjiganiye Korney*. Tatarstan Kitap Neşriyatı.

ZULFAT, (Gosman ulı Malikov): (1995). *Sredi Lecov*. Tatarstan Kitap Neşriyatı.

ZULFAT, (Gosman ulı Malikov): (1999). *Serditse Ujalil Solovey*, Tatarstan Kitap Neşriyatı.

ZULFAT, (Gosman ulı Malikov): (2007). *Dihaniye Allaha*, Tatarstan Kitap Neşriyatı.

ZULFAT, (Gosman ulı Malikov): (2008). *Na Beregu Sudeb*, Tatarstan Kitap Neşriyatı.